

ЛЮБИТЬ
БОГА
И ЛЮБИТЬ
ЧЕЛОВЕКА

*ПРОТОИЕРЕЙ
АЛЕКСАНДР
МЕНЬ*

Александр Мень

**Любить Бога и любить
человека. Домашние беседы**

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья»

2012

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Любить Бога и любить человека. Домашние беседы / А. Мень —
«Гуманитарно-благотворительный фонд имени Александра Меня»,
2012

ISBN 978-5-903612-10-9

Сборник составлен из бесед прот. Александра Меня с прихожанами храма Сретения в Новой Деревне. Тема Евангелия и заповеди о любви к Богу и человеку является в беседах доминирующей. В сборник также включены ответы о. Александра на вопросы прихожан о том, как понимать те или иные отрывки из Евангелия. Книга может быть интересна всем, кто стремится к более глубокому пониманию Евангельской вести. Беседы публикуются впервые.

УДК 2
ББК 86

ISBN 978-5-903612-10-9

© Мень А., 2012
© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня, 2012

Содержание

Беседа о Евангелии	8
«Исследуйте Писания...»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Протоиерей Александр Мень Любить Бога и любить человека. Домашние беседы

Сретенский храм в Новой Деревне

Редакционная коллегия:

Роза Адамянц, Наталия Вторушина Наталия Григоренко, Павел Мень

Издательство выражает благодарность всем, кто записал эти беседы на магнитофон: *Александру Белавину, Марку Вайнеру, Сергею Бессмертному, Светлане Домбровской, Александру Кунину*

и кто эти записи расшифровывал:

Татьяне Алкснитис, Зинаиде Атаян, Лилит Базян, Светлане Бражневской, Екатерине Мамаевой, Татьяне Мареевой, Нелли Могилевской, Ивану Привалову, Татьяне Семчишиной, Александру Якушевичу,

а также

Бэлле Боевой за художественное оформление обложки, *Ирине Языковой* за помощь в подборе иллюстраций, *Ольге Неве* за подготовку настоящего издания.

Протоиерей Александр Мень. 1987

Беседа о Евангелии

[...] Если вы внимательно читали Евангелие, то могли заметить одну важную вещь: когда Христос появляется среди людей как *Учитель*, Он не говорит о каких-то высших метафизических тайнах, Он даже не говорит о бытии Божиим – это само собой подразумевается, потому что вся ветхозаветная история, все ветхозаветное учение и богословие подготовили почву для Его проповеди.

Люди уже знали о том, что Творец – единый и Он требует от человека следовать определенным правилам и принципам жизни, люди хотя бы примерно понимали, что такое Царство Божие. Поэтому все, о чем говорил Христос, было сказано на языке, который был доступен Его слушателям, не в смысле простоты языка, а в смысле употребительности символов, знаков и названий. Когда Господь говорил о Завете Божиим, о правилах жизни, когда Он говорил о Писании, о Слове Божиим, – все это уже было известно людям и они понимали этот язык.

В каждом человеческом кругу есть определенные символы. Когда мы произносим слово «прогресс», – как бы мы его ни понимали, все-таки ясно, что под этим словом подразумевается. Для представителя точной науки какая-нибудь формула уже о многом говорит. Специальные термины (в любой отрасли науки) знающему человеку кратко, в пределах одного слова, сразу говорят о целом мире понятий.

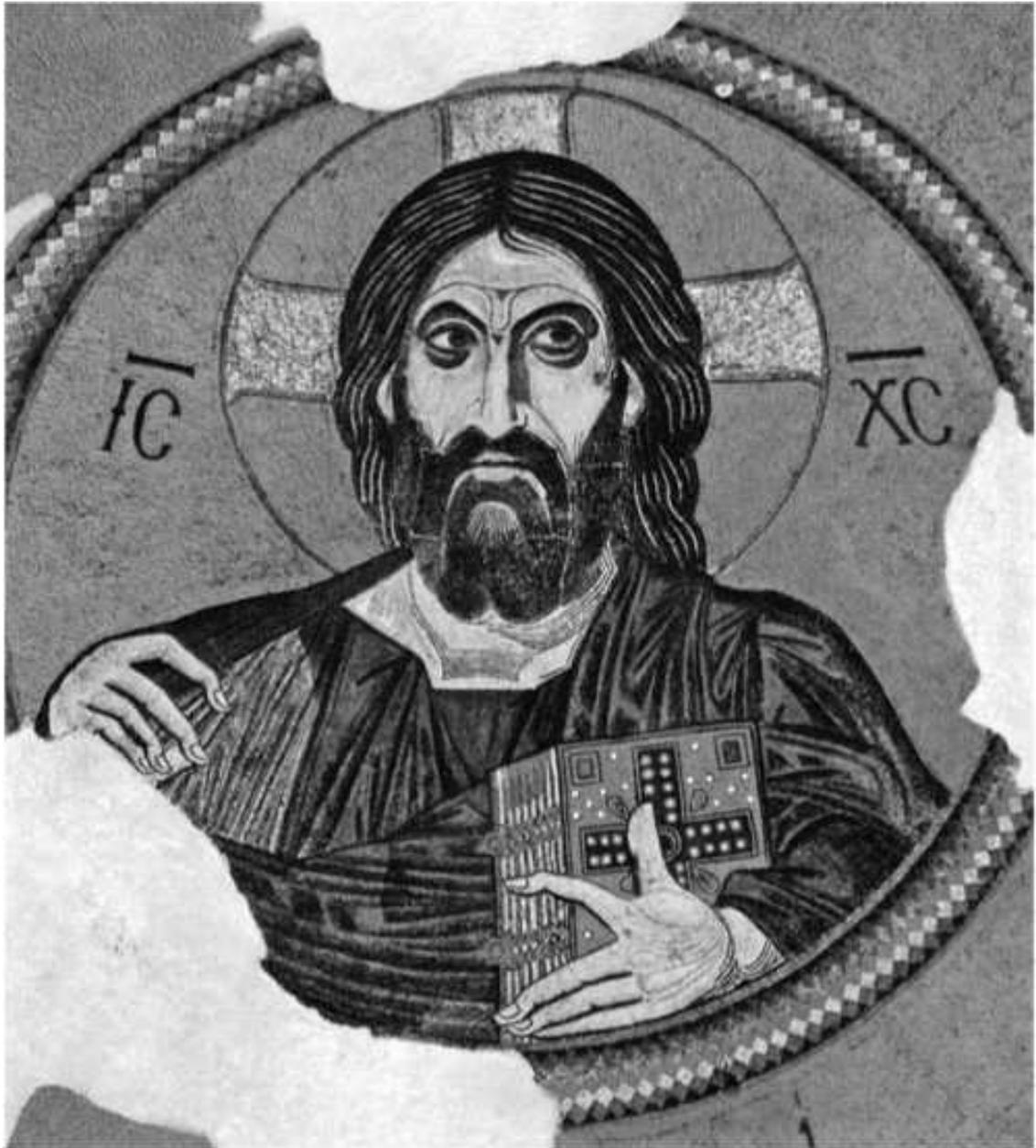
Когда Христос начал проповедовать Царство Божие, Он выступил как учитель жизни. Он не стал говорить о *Себе*, а начал со слов: «Покайтесь, приблизилось Царство Божие»¹, хотя, как мы уже с вами говорили, центр христианства – это Христос, а не Его доктрины. Еще раз подчеркиваю: Он не был только учителем жизни, учителей жизни было тысячи, но ни один из них не был даже отдаленно подобен Ему. Если бы Он был просто учителем жизни, то христианство бы никогда не смогло родиться.

Вот вам свидетельство от противного: посмотрите Евангелие, переписанное Толстым – с самыми лучшими намерениями, с самым горячим желанием донести учение Христа до людей, и теперь подумайте: могло ли такое Евангелие перевернуть мир и создать вселенскую Церковь? В сущности, читать его скучно, и оно выглядит крайне заумным, я бы даже сказал – занудным. Оно не смогло бы зажечь мир, не смогло бы создать столько обликов христианских культур, создать такой святости, всего того, чем живет христианство. Из него пропал стержень – пропало реальное присутствие Христа в жизни верующих, и осталось простое морализирование, без внутреннего огня любви, а раз без любви – значит оно как пепел без огня.

И тем не менее Христос начал все-таки как учитель жизни. Поэтому мы с вами, становясь христианами, должны так же, как люди того времени, вначале понять: что же Он хотел от людей? А Он хотел, чтобы люди сначала стали Его последователями, а потом Его учениками, приобщившись к Нему, к Его мистической тайне.

---

¹ Ср.: Мф 4, 17.

Христос Пантократор. Мозаика в куполе **монастыря Дафни** под Афинами. XI в.

Назвал Он Свое учение Радостной Вестью, по-гречески *Евангелион*. Слово это было расхожим словом тогдашнего времени... Радостное известие о каких-то событиях в государстве или о победе, которую приносил вестник, прибегая с поля боя, по-гречески называлось *евангелион*, «радостная весть». Первая черта вести, которую возвещает Христос, – это некая *радость*.

Когда смотришь на древние фрески в средневековых христианских храмах, начинаешь чувствовать, как легко забывается эта радость в нашей жизни. Потому что жизнь наша достаточно мрачна, и гораздо легче в христианстве найти пессимистические нотки, чем увидеть, что оно было учением о радости. Причина во зле – оно на первом месте, и бросается в глаза, оно есть главная реальность. Но Христос вовсе не сказал, что мир прекрасен, что мир благополучен. Нет, Он сказал, что *миром правит сатана*. Он назвал сатану князем, а «князь» означает «властитель». Властитель этого мира. И все-таки Он сказал: «Я возвещаю вам радостную весть о Царстве Божиим». Давайте остановимся на этом понятии.

Очень давно человек задумывался над тем, откуда в мире грех, зло, несовершенство, страдание. Согласно некоторым доктринам таково изначальное состояние мира. Но библейское

откровение говорило о другом, о том, что зло есть болезнь, *отклонение* от воли Творца, когда изначально благая мысль и благая воля Творца подвергались искажению.

Вы можете спросить: как это могло произойти, если Творец всемогущ? Но, как отвечают нам первые отцы Церкви (и, собственно говоря, еще и древние библейские писатели), Бог обрекает человека на свободу. Создавая его по Своему образу и подобию, Он ему дает великий и страшный дар – свободу. И человек оказывается в мире, где Бог как бы умаляет Свой свет, как бы оставляет пространство для действия свободных сил, идущих против Него. И тогда мы можем сказать, что Бог уже не *царствует*...

Есть старинная сказка-притча о короле, который, желая увидеть положение дел в государстве, оделся в нищего и стал бродить по этой стране, чтобы выяснить, что в ней происходит. Хотя в этот момент он не царствовал, он дал возможность своим подданным свободно в глаза высказывать ему свои мнения, потому что никто не догадывался, что это король. И действие Бога в мире подобно этому Бог не царствует *явно*, точнее царствует, но неявно. Его проникновение в мир как бы мгновенно, и Он снова исчезает.

И Откровение Ветхого Завета заключалось в том, что мир движется *поступательно*, идет вперед к этому свершению – к воцарению Бога, к Царству Божию.

«Господь воцарится» – это одна из древних песен Библии, которая повторяется в нашей церкви каждую вечернюю службу в воскресенье: «Господь воцарися, в лепоту облечеса» – Господь воцарится, облакаясь в великолепие.

Во все времена во всех странах для людей научного мышления – философов, ученых – эта мысль была чужда. Всем казалось, что мир в принципе измениться не может, что он вращается по кругу и все снова повторится. Об этом мы находим свидетельства и у греческих философов, и, конечно, у индийских, и у современных авторов XIX–XX веков. У них постоянно присутствует мысль о вечном круговороте. Мысль эта довольно естественна, потому что человек видит в природе закон неизменяемости мира. Он видит зиму, весну, лето, осень, восхождение Солнца, Луны, звезд, и все-все неизменно; не бывает, чтобы однажды Луна не взошла, вообще куда-то делась, а потом появилась. С древнейших времен человек наблюдал этот ритм, этот круговорот природы и полагал, что таков строй мироздания.

В. Д. Polenov. Христос и грешница. Фрагмент

И нужно было *Откровение* Божие, то есть действие Духа, Который бы открыл людям то, что они путем разума познать не могут, что мир есть не вращение по кругу, а мир есть *становление*. Мир есть путь. История мира есть движение к чему-то высшему. И, как я вам уже говорил, все секулярные, светские надежды на лучшее будущее являются сегодня отражением, сколком или трансформацией этого библейского Откровения.

Оказывается, подсознательно даже атеисты верят в то, что когда-нибудь добро восторжествует, когда-то будет хорошо, «не мы, так наши дети», – говорят они. «Наука до этого дойдет»,

а если когда-нибудь погаснет Солнце, так мы сделаем новое Солнце. Все эти мысли коренятся в христианском благовестии, впитанном с молоком матери, о том, что Бог когда-то воцарится, то есть воцарится благой замысел. Сейчас Он скован, Он как бы ограничил поле Своего воздействия.

Итак, «Царство Божие» – это тот мир, который Бог задумал, а тот мир, который мы сегодня видим, находится еще в становлении, в муках рождения.

Но тогда почему Христос говорит: приблизилось Царство Божие, покайтесь, вот оно. Многие люди считали, что Царство Божие, как некий мировой катаклизм, переворот, ворвется и изменит все насильственным образом. Людям свойственны такие желания, им хочется, чтобы все было насильственно, быстро, по щучьему велению, но так не происходит. Так и не должно быть.

Что же имел в виду Христос? Он имел в виду, что Царство Божие – это реальность не только футурологическая, не только будущего мира, где мы все встретимся, но это реальность сегодняшнего дня, и вместе с Ним в Его лице Царство Божие как близость Бога к миру начинает постепенно реализовываться, как Он Сам говорил, «неприметным образом». Поэтому Он сравнивает Царство Божие с маленьким зерном, которое вырастает. Он сравнивает его с закваской, положенной в тесто, – оно постепенно делает свое дело. Он сравнивает его с деревом, которое появляется не в одно мгновение, – нужно время, чтобы ему вырасти из семени. Царство Божие одновременно и в будущем, и здесь.

«Суд миру» означает столкновение между замыслом Божиим и эмпирической, данной реальностью мира... Нам думается, что «Суд миру» будет тогда и только тогда, когда Бог наконец исправит эту картину мира, и последний штрих, последний мазок истребит все злое, и все начнет сверкать.

Но Христос говорит *другое*, Он говорит: «*Ныне суд миру сему*»², – то есть в тот момент, когда Он явился в мир, суд уже начался. Греческое слово *кризис* мы переводим как «суд». Суд есть столкновение человека с волей Божией, причем с волей Божией, не *навязанной* насильственно.

Бог не дает нам ничего насильственно, – а дает свободно. Поэтому Он говорит тихим голосом, поэтому Он приходит совершенно иначе, не так, как человек, который хотел бы получить популярность. Он не ищет ни влиятельных покровителей, ни средств эффективной пропаганды, чудеса Он старается делать незаметно... По существу, все, что могло бы способствовать Его влиянию, – все это Им ликвидируется.

Царство Божие привносится вместе с Ним. И дальше Он начинает раскрывать нам новый тип жизни. И прежде чем мы поймем, что Христос живет в нашей жизни сегодня не как память, а как реальность, с которой можно общаться, не как образ прошлого, а как живой собеседник сегодняшнего дня, – мы должны услышать, что же Он говорит об этой жизни. И вдруг оказывается, что Он говорит о том, чтобы люди *превзошли праведность* книжников и фарисеев. Вот Его слова: «Если вы не превзойдете праведность книжников и фарисеев, не войдете в Царство Божие»³.

Праведность книжников и фарисеев заключалась в исполнении религиозных обрядов, законов религии, которые являлись частью быта, жизни, культуры, которые были частью социальных обязанностей; даже в Древней Греции или Риме человек мог думать о богах в частном порядке что угодно, но он был обязан как человек гражданский приходить и совершать жертвоприношение.

Религия в общем – это социальный институт. Религия – это такая мифологизированная идеология, которая спаивает общество воедино, создает для него определенные штампы. И

---

² Ин 12, 31.

³ Ср.: Мф 5, 20.

человек, будучи приверженцем той или иной религии, может и не думать особенно о Боге, не проникаться Им духовно. Он может быть таким человеком, как, скажем, какой-нибудь старый замоскворецкий купец, который, возможно, и обманывал, и мошенничал, а потом в воскресенье пришел и поставил пудовую свечку, и ушел спокойным, потому что произвел с Богом какие-то расчеты.

Один знаменитый исследователь Древнего Востока, говоря о Месопотамии, выразился так: там был «очень умеренный религиозный климат». Это весьма остроумные слова. В целом все дохристианские религии стремились к созданию *умеренного* духовного климата – человек ест, спит, оберегает свои поля, семьи, дома и поклоняется богам.

Ничего подобного в Евангелии нет. Здесь призыв к абсолютному! Если есть тысяча христиан, которые живут в «умеренном религиозном климате», это значит, что они просто не знают, что такое Евангелие, и не знают, чему они принадлежат и во что веруют.

«Ищите прежде всего Царства Божия и правды Его, все остальное приложится»⁴... Нигде, даже в Ветхом Завете, где вера была огненной и исключительной, то есть она шла в одном направлении и все остальное отметала, – даже там мы найдем массу пластов вот такого «умеренного религиозного климата». Достаточно почитать Книгу Притчей Соломоновых или Книгу Премудрости Иисуса, сына Сирахова.

В учении Христа мы не найдем нездорового фанатизма. Более того, каждое Его слово проникнуто трезвостью, ясностью, у Христа нет ни малейшего желания какими-то туманными фразами произвести дешевый эффект! Слова прозрачные, совершенно прозрачные, обращенные к сознанию человека как простого, так и интеллектуального.

---

⁴ Ср.: Мф 6, 33.

В. Д. Polenov. Часто собирались в Гефсимании

Не лишенные юмора, даже некоторого остроумия, иногда иронии, они рисуют человеческую жизнь и людей, которые пытаются войти в Царство Божие или убегают от него. Он любил изображать это в виде притч – бытовых, жанровых сценок, которые, конечно, произносились с улыбкой или вызывали улыбку у слушателей. Для нас, людей XX века, эти притчи уже воспринимаются с дистанции времени как торжественные речения, через иконы, картины, – для нас все это уже как бы сакрализовано, возвеличено, возвышено.

Но Христос любил обыденные вещи. У Него обыденные вещи сверкали и играли так, как могут играть только у того, кто видит красоту в обычном и простом. Ведь вы подумайте: сравнить Царство Божие, то есть явление Бога в мир и проникновение в мир замыслов Божиих, – сравнить с закваской в тесте! Это было бы непристойно, если бы такого рода сравнение придумал какой-нибудь современный писатель или проповедник. Дескать, знаете, что такое Великая Истина? – это *дрожжи*, которые хозяйка покупает в магазине за рубль. Так же когда Он говорит о рыбаках, которые перебирают рыбу, или о сеятеле, который выходит на поле.

Забудем на минуточку, что мы живем в эпоху тракторов и траулеров, вспомним, что тогда эти сцены не были архаичными и величественными. Сейчас воспринимается все по-другому, но тогда... Например, эта интересная сцена, когда видишь, как идет сеятель и кидает рукой семя, – это сейчас выглядит как-то поэтизировано, потому что так уже не сеют, тогда это был обычный, обыденный, повседневный труд. И он брал примеры именно из простой обычной жизни. Значит, Он хотел сказать, что Царство Божие можно почувствовать и пережить уже здесь и теперь, в обыкновенной человеческой жизни.

Когда Будда обосновывал свое учение, он рассказывал джатаки⁵, которые потом превратились в легенды; в этих джатаках фигурируют разные раджи, фантастические животные, с которыми происходят какие-то необыкновенные сказочные приключения. Ничего такого в евангельских притчах мы не находим. Все очень просто. Нерасторопные подружки невесты, которые испортили праздник: по обычаям того времени, когда приходил жених, выходила невеста, и подружки должны были со светильниками встречать его. А они не дождалась и заснули, у них все погасло, а он зашел, запер дверь и вообще не пустил их⁶. И эта сценка становится трагическим символом души, которая прозевала свое время.

А вот другая очень интересная картина: пастух, который делит овец и коз для стрижки, потому что козы на Востоке – в Греции, Палестине – обычно черные (у нас белые, у них черные), а овцы белые. И когда пастухи перед стрижкой начинают их делить, то зрелище такое: идет смешанное стадо, и пастух отбирает: сюда бегут черные – туда беленькие, черные – беленькие. И вот эту сценку Христос использует для религиозной притчи, для притчи очень трагической, может быть, самой страшной в Евангелии, – о разделении, которое проходит между теми, кто следует по пути Евангелия и кто не следует, – овцы и козлища, идущие направо и налево. Одни на осуждение вечное, другие – на вечную славу⁷... Но надо сказать, как правильно заметил один богослов, что это разделение далеко не всегда проходит между людьми, часто оно проходит внутри каждого человека. В себе мы можем легко найти и черного козлища, и овцу.

Итак, Христос начинает говорить. И начинает говорить странным образом: Он *обещает* что-то людям, и это обещание оказалось выполненным. Замечательно, что в этом тоже сказывается движение Евангелия вперед в будущее, потому что обещание – это взгляд в будущее.

Впервые, когда создается Ветхозаветная Церковь, Бог обещает Аврааму, предку Ветхозаветной Церкви, что он будет отцом великого народа, что он будет иметь свою землю и через него благословятся все племена земли. Таким образом, здесь все – в будущем. Через Авраама приходит Спаситель, то есть Христос, и благословляются все народы, они включаются в спасительную Церковь.

Но когда приходит Христос, Он опять говорит о будущем. Он говорит: вы будете счастливы, «блаженны». Русский эквивалент слову «блаженство» – счастье, высшая степень счастья. Вот первые слова Нагорной проповеди: «Блаженны нищие духом, блаженны плачущие, блаженны гонимые, блаженны алчущие, жаждающие правды»⁸. Здесь интересное обетование, потому что в нем мы находим два мотива.

Мотив первый. Те люди, которые в глазах обычных людей кажутся ущербными, – они счастливы, они могут получить в Царстве Божием полноту.

«Плачущие – вы утешитесь», – говорит Христос. Нищие будут обогащены. Гонимые будут торжествовать и радоваться. Это первая тема. Она показывает, что Царство Божие торжествует над всем; и это не значит, как часто у нас думают, что христианство можно использовать для себя с точки зрения потребления, что его можно взять для себя, вроде йоги или еще

---

⁵ Джатаки – «повесть о (предыдущих) рождениях (Будды)» – один из важнейших памятников повествовательной литературы буддизма.

⁶ См.: Мф 25, 1–13.

⁷ См.: Мф 25, 31–46.

⁸ Ср.: Мф 5, 3–12.

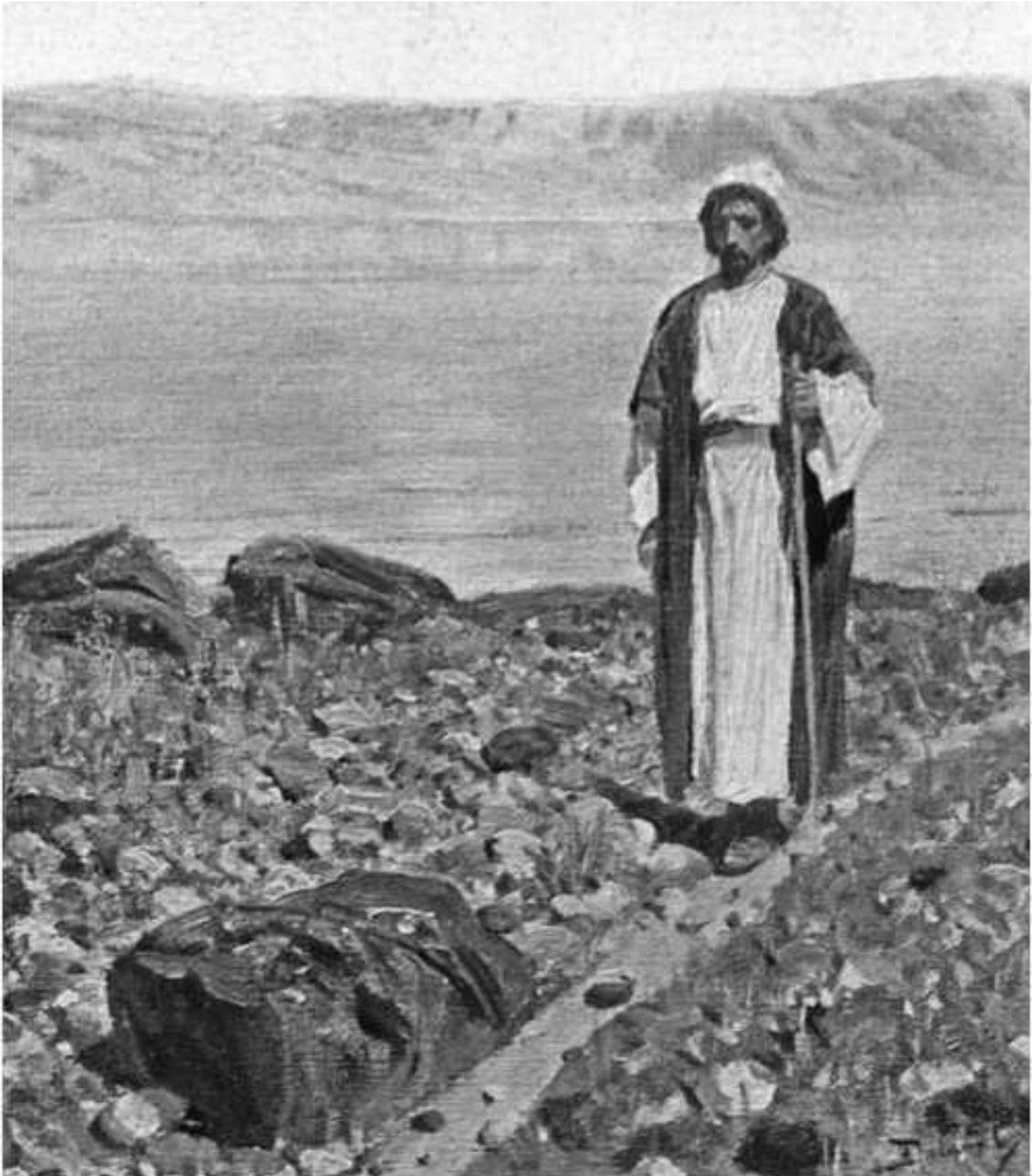
какого-нибудь удобного учения. Нет, человек может быть несчастен в земном смысле слова, он может быть одинок, разбит, он может казаться в глазах мира последним, – а он будет впереди. И это делает Христос.

А второй мотив – это подражание Самому Христу. Здесь Он говорит о «чистых сердцем» – они узрят Бога, о кротких, которые наследуют землю. Как понимать «наследуют землю»? «Земля обетованная» – это символ грядущего Божьего спасения. Как для древних израильтян «земля обетованная» была реальным знаком того, что Бог исполняет Свои обещания, так потом это становится символом будущего спасения, синонимом Царства Божия, которое обретут и те, кто ищет правды, справедливости, и те, кто сострадателен к другим. «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут»; «помилованы» – это значит «прощены». Значит, мы тоже должны уметь прощать.

Но главное, что дальше мы находим в Нагорной проповеди, это перемена отношения человека к Богу. «Отче наш» – молитва, которую вы все знаете, мы читаем ее в тексте Евангелия, – это *дословная* речь Христа. Интересно, что ученые сделали обратный перевод с греческого на арамейский язык, и выяснилось, что Христос эту молитву дал ученикам в стихотворной форме, даже с некоторым размером и с рифмами, так что легко было запомнить наизусть, и это еще раз говорит о том, что перед нами почти подлинные слова Христа.

Молитва «Отче наш» мало похожа на ту молитву, которую обычно мы находим в нашем сердце. Какая у нас молитва? «Дай! дай!», «Да будет воля моя». Как бы наша молитва ни украшалась в душе, мы всегда хотим чего-то для себя: я хочу стать сильным, я хочу избавиться от тяжелых состояний, я хочу обрести хорошее состояние, я хочу, чтобы у меня была благополучная жизнь, чтобы мои дети были защищены от невзгод, и так далее, и так далее.

Никто не говорит, что человеку желать себе добра – это неестественно; если бы мы желали себе зла, это было бы ненормально. Но Христос учит нас другому. Он говорит, что *есть источник* всякого добра, к которому на самом деле должна быть прикована наша любовь, что на самом деле любить можно только Бога, а через Него – и мир, и человека, и самого себя. Если мы любим эту великую красоту, которая есть красота Божия, тогда наша молитва должна начинаться со слов: «да будет воля Твоя». И начальные строки «Отче наш» вовсе не говорят о человеческой воле, о человеческой выгоде или желании, а о том, чтобы осуществилась *Его* воля. «Да будет воля Твоя, да придет Царство Твое», – вот о чем говорит эта молитва.

В. Д. Поленов. У моря Галилейского. Фрагмент

И сам Христос говорит о Себе, что Он пришел исполнить не Свою волю, но волю Отца. Для Него не было в жизни *ничего* другого – все Его служение было подчинено высшему призванию. Такой человек может представляться нам в виде какого-то анахорета, отшельника, или какого-то йога, сидящего где-нибудь в Гималаях, который съедает лишь горсточку риса в неделю. Ведь они действительно отрешились от всего и созерцают Вечность.

А Христос ведет удивительный, парадоксальный образ жизни. Он живет обычной жизнью, как все люди, и улыбается, когда фарисеи Его осуждают. Он говорит (с долей иронии): вы похожи на детишек, которые поют песенку; в какой-то детской игре пели такую песенку: мы вам играем похоронку – а вы не плачете, мы вам поем веселую песню – вы не танцуете. Приходит Иоанн Креститель, не ест, не пьет, – вы говорите: в нем бес; прихожу Я, ем и пью, – называете Меня «пьяницей и обжорой» (так в оригинале)⁹. Значит, их ничем не убедишь.

---

⁹ См.: Мф 11, 16–19.

Он ведет обычный образ жизни и к этому призывает нас. Он странствует, да, это действительно так, но Он никогда не был «странствующим проповедником», даже таким, каким в Средние века был Франциск Ассизский. У Него был Свой дом, в котором Он жил, был город, откуда Он уходил на проповедь и куда возвращался. Это был Капернаум. И если Он потом вынужден был не возвращаться в этот город, то это по причине вражды, по причине борьбы, которая поднялась против Него... Он приходил на званые обеды в дома фарисеев, на свадьбы к Своим родным (вспомним Кану Галилейскую). Он вел обычные разговоры, которые вели под сводами галерей Храма разные учителя Закона. Он мог заговорить с первым встречным...

Очевидно, Он легко вступал в общение с людьми – вспомните разговор с самарянкой, и люди сразу как-то к Нему располагались... В Нем не было ничего торжественного, иератического. Он ходил, а не шествовал. Он говорил, а не вещал. В этом особенность евангельского благовестия. Для чего это было нужно? Он хотел показать, что именно в этой обыденной жизни, не на Гималаях, а вот в этой жизни, где женщины крутят жернова, а пахари занимаются своим делом, мытари считают свои деньги и жизнь идет своим ходом, – среди всего этого может зажечься огонек Царства Божия. И продолжая эту центральную Его мысль, мы можем сказать, что Царство Божие может осуществляться и здесь, в нашей жизни, если только мы этого захотим.

И дальше Христос говорит о том, что человек, который ищет Царства Божия, – он все приобретает: «Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и остальное приложится вам». Более того, от этого человека начинает идти некоторый свет. «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного»¹⁰.

Он не требует обязательно быть строго ортодоксальным. Почему? Потому что в том кругу, где Он проповедовал, люди понимали одну простую истину: можно познать лишь то, что открывает Бог. Все остальное человеку недоступно, все остальное является конструкциями его ума!

В теологии многое является делом рук человеческих и к Богу имеет очень мало отношения. Поэтому главное, что отличает последователя Христова, это его отношение к ближнему. Когда Судья разделяет «овец» и «коз», Он не проверяет их ортодоксальность, а спрашивает: что ты сделал Мне? – то есть ближнему, – накормил, напоил, посетил в тюрьме, то есть проявил ли ты человеческое сострадание.

Человек по природе своей эгоцентричен, эгоистичен. Человек ищет для себя – его естественное стремление с грудного возраста – стремление потреблять. Но Христос хочет, чтобы мы изменились, чтобы мы становились людьми, научились отдавать. «Новую заповедь даю вам: любите друг друга, как Я люблю вас»¹¹. Почему же новую? Ведь была древняя заповедь: «Люби ближнего твоего, как самого себя»¹². Но Господь хотел, чтобы человек учился самоотвержению.

У нас слово «самоотвержение» приобрело такой, я бы сказал, поэтический, ходульно-риторический смысл: «самоотверженные люди»! Что делать, если мы иногда портим, опешляем слова. Но перед нами глубокий психологический закон. Психически нормальный человек никогда не сможет существовать, если он в каком-то смысле не отвергает себя. Потому что пока мы не выйдем из замкнутого мира собственного «я», пока мы будем поклоняться этому идолу, служить ему, – у нас ничего не получится.

Значительное большинство психических заболеваний коренится в эгоцентризме. Человек видит себя так, как будто он вознесен на Эмпайр-билдинг, и все вокруг или смеются, или

---

¹⁰ Мф 5, 16.

¹¹ Ср.: Ин 13, 34.

¹² Лев 19, 18.

восхищаются. Отсюда мания преследования, отсюда и мания величия. А это всего лишь гипертрофированная форма гордыни.

Помните колдуна из «Страшной мести» Гоголя – ему все время казалось, что над ним посмеиваются. Может, его никто не замечал, может, всем он был безразличен, а ему казалось, что все на него смотрят. То есть человек идет и несет свое «я» как какой-то колоссальный драгоценный сосуд.

Значит, норма для духовной жизни христианина, залог его душевного здоровья в призыве: «отвергнись себя». И человек становится человеком только тогда, когда он учится выходить за пределы своего «я». Как говорил один философ, «человек мыслит себя как абсолют», и это нормально. Но он должен видеть и дальше и найти абсолют в *другом*, хотя бы в любимом человеке – мужчине или женщине. Таким образом, человек из закрытой системы становится системой открытой. «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, – говорит Христос, – и возьми крест свой, и следуй за Мною»¹³.

Опять слова, которые у нас навязли: «возьми свой крест». А что Он имел в виду? «Крестом» для Него было Его служение людям. Это не какое-то бремя, которое человек тащит на себе, – нет! Для Него это была радость и страдание одновременно. Радость, что Он мог страдать, для того чтобы принести людям счастье и добро.

Каково же отношение Христа к ветхозаветному учению? Основа ветхозаветного учения рассматривалась Им как аксиома, из которой Он исходил. В Ветхом Завете был Закон – учение, которое дано Моисеем. Закон был зафиксирован на двух каменных досках – скрижалях, на которых были написаны всего 10 заповедей. Первая заповедь гласит: «Я Господь Бог твой, Который вывел тебя из Египта (то есть спас тебя), да не будет у тебя других богов пред лицом Моим»¹⁴. Значит, человек должен всецело обратиться к тому Богу-Спасителю, Которому он поклоняется.

«Не сотвори себе кумира». Это означает не только то, что не надо делать идолов, но не надо рядом с Богом ставить такую ценность, которая была бы Ему равна. Был у меня такой случай. Один молодой человек хотел стать священником. Но он стал взвешивать: если я стану, если поеду в такой-то город, мне же будет неудобно; и так постепенно из этих разных жизненных неудобств возник целый второй противовес. Но если ты отдаешь Ему – отдавай всего себя! Разумеется, человек ищет для себя и удобств, и это нормально, но главное должно решаться в абсолют. Если есть какой-то кумир – то все пропадает.

«Я – Бог-ревнитель!», – говорит Господь в Ветхом Завете¹⁵.

Что это значит?.. Ревнителем, то есть существом, обладающим ревностью, может быть только человек: он хочет, чтобы только его любили, больше никого. Для чего Ветхий Завет, который знает о том, что Бог неизобразим, что Он превыше всего, что это вообще другое Существо, – для чего он употребляет такое человекоподобное чувство, как ревность? Потому что отношение между нами и Богом может строиться только на том, что мы Ему отдаем все свое сердце. И через Него можно любить и все. Рядом с Ним не должно быть других богов.

Замечательный закон – «помни день субботний». Для нас теперь как-то естественно, мы уже десятками лет, столетиями знаем, что есть воскресный день, в который можно отдыхать. Древний мир, античный и восточный, не знал таких дней (кроме особых праздников). И вдруг оказывается, что человек должен систематически выныривать из суевы будней, для того чтобы предстать перед Богом, уделить и Ему свое время... Это не так просто, но это человеку нужно, ему нужно иногда останавливаться!

---

¹³ Мф 16, 24.

¹⁴ Исх 20, 2–3.

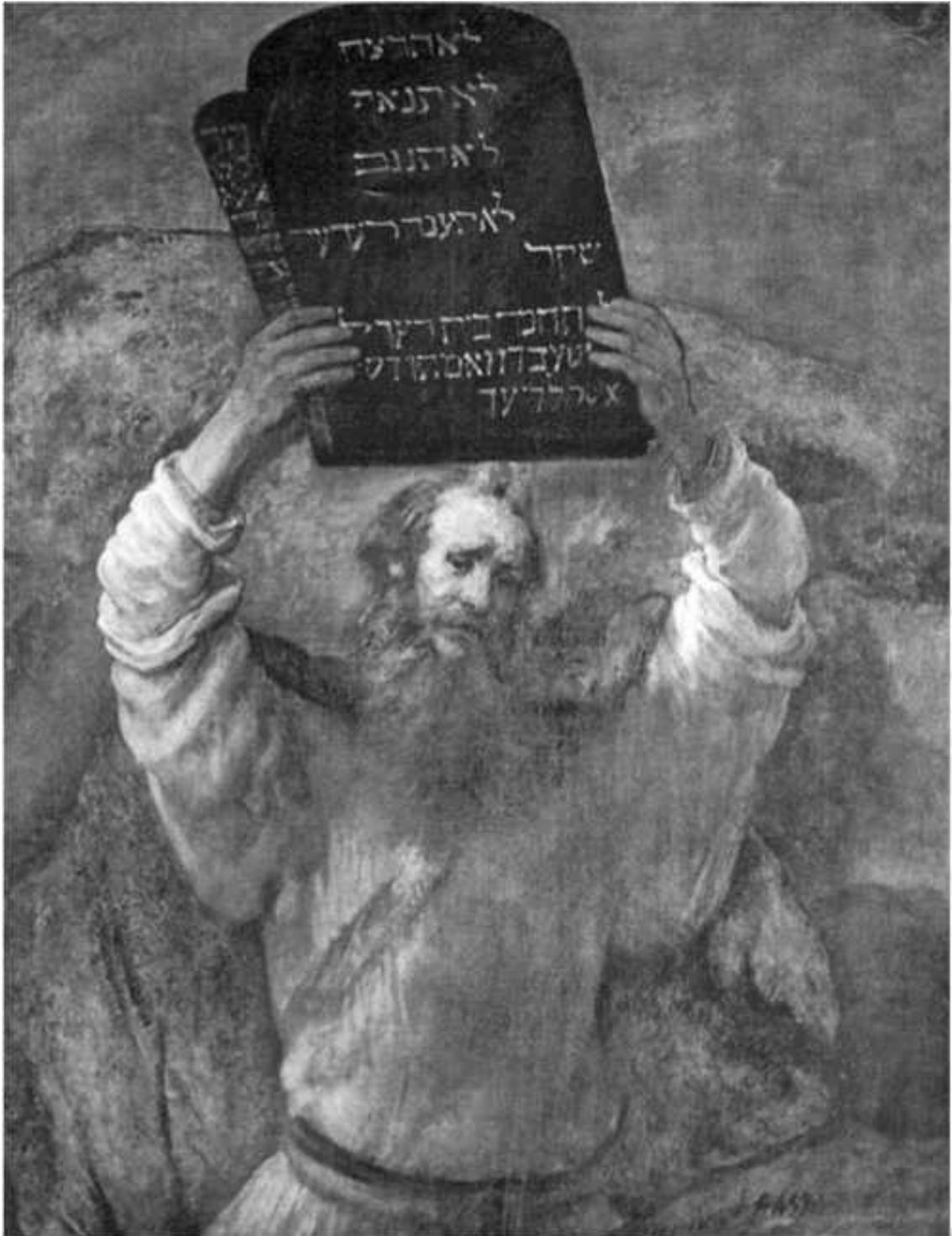
¹⁵ Ср.: Исх 20, 5.

Человек постоянно куда-то спешит, он бежит, чтобы успеть сделать те или другие дела. И так было всегда, он бежал в любую эпоху – и в бронзовый век, и в Средневековье, и в атомный век. И всегда жизнь была суетной и шумной.

Мы думаем, что во времена евангельские было очень тихо. Но представьте себе, что каждая женщина имела жернов и что они все с грохотом крутили их – это будет похуже иного транзистора. В каждом доме грохотали эти жернова! Шум был жуткий. Мельниц почти не было. Каждая семья молола себе муку вручную. Было еще и много других дел, и в этом суетном мире, когда наступал день субботний, все должно было остановиться. Останавливалась скотина, отдыхал раб, отдыхал хозяин. Человек мог сосредоточиться, он мог молиться.

«Чти отца и мать»; не сказано «люби» – никого нельзя заставить любить. Но у человека есть *долг* по отношению к родителям, и это следовало из закона, данного свыше. Почему? Потому что очень часто отношения между детьми и родителями бывали иными. В некоторых культурах старики просто истреблялись. И само по себе уважение к родителям – это не то, что вытекает из биологической природы человека... Когда говорили о почитании родителей, тем самым истребляли право сильного. Появлялось что-то иное. Старик становился не только неприкосновенным, но и уважаемым.

Затем следуют заповеди: «не убий, не укради, не прелюбы сотвори (что, собственно говоря, означает «не нарушай верности брака»), не клевети, не завидуй». Один наш современный, довольно видный богослов говорил, что все эти заповеди теперь уже устарели, поскольку они были даны давно, и можно их вообще отбросить. Это не так. Вам даже объяснять не надо: вы видите, что эти заповеди, несмотря на свою свыше чем трехтысячелетнюю историю, еще не осуществлены, они не стали второй натурой человека. Если каждый из вас покопается в себе, он спокойно найдет нарушение всех этих заповедей.

Рембрант Ван Рейн. Моисей разбивающий Скрижали

Но признав ценность ветхозаветных заповедей, Христос сразу отвечает юноше, который у Него спрашивает: «Как жить, чтобы наследовать вечную жизнь?» – «Соблюдай заповеди. Ты знаешь, что написано?» И Он перечисляет: не убивай, не кради и так далее. «Все это сохранил я от юности моей», – отвечает юноша. А дальше Господь говорит ему, что если он хочет найти нечто высшее, он должен стать Его учеником¹⁶.

---

¹⁶ См.: Мк 10, 17–22.

А что Христос говорит всему народу? Он дает ему как бы Свое Десятисловие, Свои десять заповедей. Он говорит: «Сказано древним “не убивай”, а Я говорю, что и гнев является грехом; сказано древним “не прелюбодействуй”, а Я говорю вам, что и всякая нечистая мысль является грехом»¹⁷.

Мы могли бы составить своего рода новозаветное Десятисловие. Но Он тут же поясняет, что пришел не нарушить Закон, а его *восполнить*, то есть дать ему такую глубину и полноту, которая бы соответствовала замыслу Бога. Потому что Десять заповедей больше все-таки относятся к поступкам человека. Христос же переводит их в глубину помыслов человеческих.

Обратите внимание на одну замечательную деталь: когда Он говорит о заповеди (это же Божьи заповеди), Он тут же ее Сам меняет: «а Я говорю вам». Не думайте, что это придумали ученики, что это возникло в результате обоготворения Христа в общине. Слова Христовы в Евангелии очень близки к подлинным, хотя и большинство современных историков подчеркивают, что это не магнитофонная и не стенографическая запись.

Сказители Востока (и не только Востока) обладали на протяжении веков удивительной тренированной памятью. Есть мнение среди ученых, что вся Ветхозаветная Библия существовала только в устной форме и была записана лишь за несколько веков до нашей эры. Вероятно, вы слышали о такой книге, как Махаб-харата, – она во много раз больше Библии, столетиями она существовала только в устной передаче. Сказители Махабхараты существуют и сейчас в Юго-Восточной Азии, они могут ее рассказывать в течение месяца, ежедневно с утра до вечера – устно. Они до сих пор ее знают наизусть. Утром садится – и до вечера он ее поет. И так он может петь месяц. Эти тексты Махабхараты создавались до нашей эры. Они отражают сказания о завоевании Цейлона где-то в начале второго тысячелетия до нашей эры.

На таких устных сказаниях основывается достоверность большинства легендарных эпических историй, которые мы находим, например, у Гомера или в Рамаяне.

Но там баснословные хронологические периоды. Здесь же прошло меньше одного поколения. Фактически когда Евангелия были записаны, почти все современники Христа были еще живы... Можно суверенно сказать, что первые евангельские тексты существовали тогда, когда Спасителю, если бы Он пожелал пройти более длинный жизненный путь, было бы только 60 лет. Это было написано *в эпоху Его современников*. Они повторяли и заучивали Его слова.

Я вам только что сказал, что «Отче наш» было сказано в стихах. Но не только «Отче наш». Возьмите Евангелие и попытайтесь читать его как ритмическую прозу (в русском переводе) – вы сразу увидите, что это так и есть. Что это необычная проза, хотя и не совсем стихи. Это некое полупение речитативом, подобное чтению Евангелия в церкви, что не является церковным изобретением – так читали Священное Писание еще за много веков до Христа. И Сам Христос, когда говорил, Он, скажем так, почти пел. Это трудно нам себе сейчас вообразить, но это было так.

Кто из вас смотрел современные индийские фильмы, может, конечно, лишь отдаленно, но составить представление о том, как это было. Там люди говорят, и вдруг начинают что-то петь – на Востоке так было принято. В какой-то степени это было принято и в античном мире на Западе... Речь учителя была именно таким речитативом. Так говорили пророки. Это были гимны, и иногда они даже были с музыкальным сопровождением.

Мы знаем из Библии, что, скажем, пророк Елисей, когда начал проповедь, он попросил, чтобы начали играть на струнных инструментах, и тогда под них он стал говорить. Естественно, что он говорил не какой-то лекционный текст, а это была речь в форме пения.

(Конец записи)

---

¹⁷ См.: Мф 5, 21–22.

«Исследуйте Писания...» По Евангелиям от Матфея и Марка

«Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф 3, 15).

«Исполнить всякую правду» – очень странные слова, и понять их до конца трудно, почти невозможно. Это есть косвенное доказательство в пользу того, что евангелист не придумал этой фразы, иначе он придумал бы что-то более понятное и для себя, и для своей аудитории. А эта фраза сохранена Преданием в своей некоторой, скажем так, загадочности. Христос так выразился, и это запало, сохранилось в Предании, потом зафиксировалось письменно, но расшифрованным не стало.

Прежде всего нужно сказать, что нет одного окончательного толкования этих слов. Среди многочисленных вариантов, которые я приводить здесь не буду, есть два. Первое: когда Он говорит «нам» – Он имеет в виду нас, людей вообще, всех. И Он говорит, что исполнять правду Божию надо вот *таким образом*, – то есть надо начинать с покаяния. И хотя Он Сам в нем не нуждался, Он поставил Себя вместе с нами, чтобы показать, с чего должен начинаться наш путь, путь каждого человека.

Я видел многих людей с замечательными духовными способностями, переживавших тонкие мистические чувства, – но если у них не было покаяния, не было желания оставить свои грехи и направить свою душу на совсем другое дело, – ничего из этого не получалось. Они просто постепенно погрязали в том, что имели. И недаром Евангелие начинается с покаяния.

Это общий смысл. Но есть другой смысл, вероятно, более близкий к подлиннику. Возможно, что выражение «всякая правда» обозначает в данном контексте «правду Божию», заключенную в Писании. Нам должно «исполнить», то есть завершить то, что сказано в Писании. А в Писании сказано, что перед пришествием Христа люди должны покаяться и должен явиться пророк Илья, который введет Христа в мир, потому что все будет совершаться согласно предустановленному Божественному плану¹. Поэтому нам надо исполнить «всякую правду», то есть план Божий. Но, я еще раз подчеркиваю, что хотя общий смысл этих слов ясен – все-таки они остаются загадкой, и не все в Евангелии так легко решается, есть вещи, которые, я подчеркиваю, остаются *загадкой*.

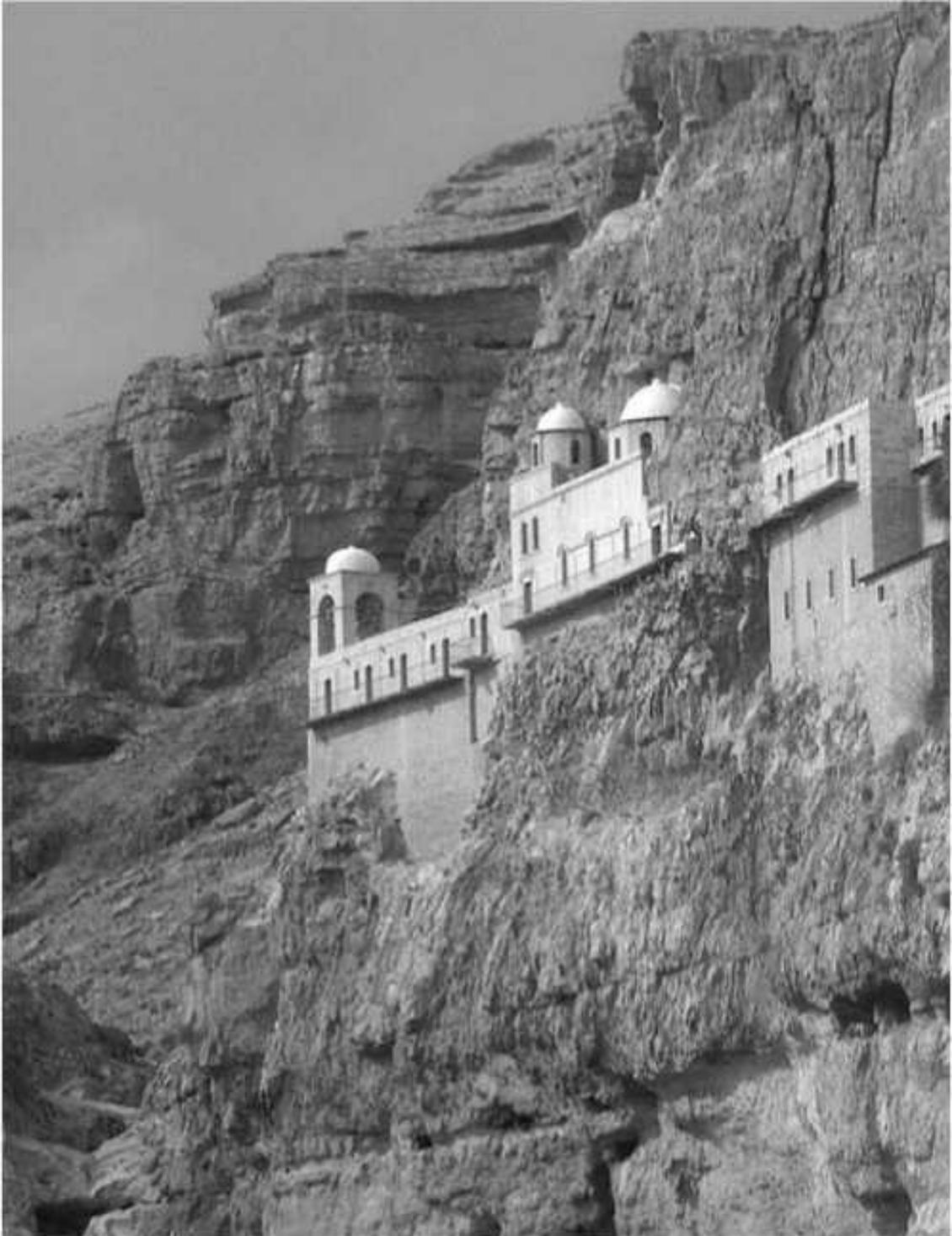
Различие между загадкой и тайной в том, что загадка – это то, что может быть расшифровано и сформулировано, а тайну мы можем чувствовать, воспринимать, но она никогда не может быть до конца формализована. Как говорил Гете, тайна – это то, что мы делим-делим-делим, но остаток всегда будет. А загадка – это то, что может быть решено без остатка.

«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола» (Мф 4, 1).

Вы спрашиваете: «искушение – как оно могло реально происходить?» Вы все, наверно, помните картину Крамского «Христос в пустыне». Это, скорей всего, могло происходить именно так. Внутренне. Совершенно не обязательно себе представлять, как в кинофильме «Евангелие от Матфея» Пазолини, что Христос молится в пустыне, подняв руки, а сзади по пустыне идет, поднимая ветер, в бедуинской одежде, какой-то человек с темным лицом. Вот он приближается, и начинает Ему говорить. Это совсем не обязательно. Прежде всего, откуда мы это знаем? Ведь Он был один. Поэтому совершенно ясно, что Он об этом рассказывал. Как всегда, Он говорил притчами, и в данном случае Он мог выразиться образно.

Есть люди, которые предполагают, что искушающими могли быть человеческие агенты зла. Можно себе представить, что Христос оказался около есейского монастыря, и люди, увидев в Нем Помазанника Божия, хотели подвигнуть Его на ложный путь. Но смысл всегда оста-

ется тот же: либо искушение явилось как внутренняя мысль, либо оно явилось как внешняя привходящая идея. Это в равной степени возможно. Наименее правдоподобно как раз то, что изображают в живописи: когда сатана приходит в виде какого-то негра с крыльями от летучей мыши.

Православный греческий Монастырь Испытания, где по преданию в пещере сорок дней постился Иисус Христос. Основан в 340 г.

В сущности говоря, так не бывает, потому что пропадает весь эффект действия сатаны. Охотник ведь всегда должен быть замаскирован; если охотник подкрадывается к стаду и при

этом поет громкие песни, – он не охотник. Если сатана идет с рогами и копытами, то он не сатана, а просто существо, которое, так сказать, пугает публику. А действие должно быть внутренним.

Теперь спрашивается, почему Христос должен быть искушаем? Потому что это поворотный момент истории, и вот они, ложные пути к спасению мира. И нам понятно: сделай эти камни хлебом, бросься – покажи чудо, поклонись мне, то есть злу! – и я тебе дам все. И перед этим искушением стояли очень многие властители – с самыми лучшими намерениями! Они поклонились перед силой зла и получили все. Но без радости, и без пользы. Значит, здесь показывается негативная сторона власти, которую Христос отвергает.

Заметьте, что во всех случаях Он ссылается на Писание и тем самым дает нам пример того, что ответы на свои проблемы надо находить в Писании. Во всех трех случаях Он отвечает цитатой... Иными словами, Он показывает, что истинный путь Бог уже изначально указал в Писании, и не надо сейчас что-то выдумывать. Сказано в Писании, что не хлебом единым жив человек; не Он сейчас придумал эту истину, а это сказано в Законе Божиим.

Так что реально это могло происходить внутренне, но не исключено, что агентами могли быть какие-то люди.

Почему дьявол ставит Иисуса на крыло Храма, и что за высокая гора, откуда он показывает все царства мира? (Мф 4, 5-11).

Что касается горы, то в Иудейской пустыне довольно много высоких точек; а те, кто бывал на Святой земле, мне рассказывали, что там настолько все близко, что нам, живущим в необъятной России, кажется все это бесконечно смешным, потому что мы знаем: от Москвы до Загорска 70 километров. А там все на одном пяточке, все исключительно крошечное, и поднявшись на высокую гору, можно одновременно увидеть и Галилейское море, и Мертвое море, и все на свете, и Средиземное море можно увидеть. Расстояния очень маленькие. И там действительно с высоких точек открывается широчайшая панорама. И все рядом!

Один из моих знакомых, священник, провел ночь в праздник Преображения на горе Фавор, был на ночной службе, а утром, когда, говорит, они вышли, с Фавора вообще видно было все что угодно. А гора небольшая, 3 км, кажется, от уровня моря, даже меньше, по нашему это очень большой круглый холм типа Коктебельских, а не «весьма высокая гора», о которой говорится в Евангелии (в Евангелии не сказано, что это была гора Фавор, просто сказано, что «пошли на весьма высокую гору»).

Правда, туда они въехали на машине – там такая дорога петляющая, в виде серпантинчика. Она меньше, чем Святая гора в Коктебеле, но похожа на нее и тоже заросшая. И Елеонская гора небольшая. Дело в том, что вся эта местность приподнята, и когда-то это были просто скалы, горы, поэтому на них строились крепостные сооружения; и в глубокой древности там текла река Кедрон, которая потом стала ручьем.

Теперь в отношении крыла Храма. Конечно, можно себе представить, что Христос был как бы мысленно перенесен туда. Крыло Храма – это крыша с балюстрадой. Почему выбран Храм? Потому что это место, где всегда толпится много народу. Ведь можно уйти куда-то в пустое место и прыгнуть со скалы, но там никто, кроме шакалов, этого не увидит. А можно сделать это при массовом стечении народа. Это уже демонстрация чуда, чтобы все пали ниц. Вот почему и выбран именно Храм, вот почему именно здесь Ему говорят: «бросься вниз».

«Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Мф 5, 18).

Очень трудная тема: «ни одна йота, ни одна черта не прейдет из Закона». Сам по себе оборот этот привычный для Христа, образный. Йота – это еврейская буква «иод», она иногда произносится и выглядит, как крупная запятая, такой хвостик, кверху стоящий. А «черта» –

ее уже в то время стали ставить – поскольку алфавит был консонантный (то есть в нем были в основном согласные буквы), то для чтения иногда ставили значки. Точно не известно, с какого времени их начали ставить. И такие черточки считались как бы частью текста.

Что Христос хотел сказать? Что все в целом, и даже мелочь, – все сохранится, пока не будет исполнено, пока не будет завершено. «Исполнено», как вы уже все знаете, значит «завершено». Когда я говорю, призывая вас, «исполним утреннюю молитву нашу», это не означает «давайте выполним ее», а это значит – завершаем. Это конец вечерни и конец утрени. «Исполним» значит «оканчиваем».

Таким образом, Закон имел значение, а под Законом понималась *сумма вероучения и этики* Ветхого Завета. Закон – это учение Божие. Слово *тора* значит «наставление», «учение»; под Законом имелось в виду не только Пятикнижие, но и весь Ветхий Завет – весь в сумме. Так что Закон имел значение до тех пор, «пока все не исполнится».

Все исполнилось в явлении Христа, и Ветхий Завет остается в свете Евангелия, которое вычленяет в нем вечное и преходящее. Что преходящее? Пищевые запреты: разделение пищи на чистую и нечистую и так далее, которое имело смысл лишь в определенный период истории. А какой оно имело смысл? В древности оно было необходимо для верующих, которым очень трудно было сохранить свою веру среди бесконечного языческого окружения (мы уже, кажется, с вами об этом говорили – насколько оно было сильным).

Для нас слово «язычник» – это какой-то дикий человек, а в то время это были не дикие, а культурные, цивилизованные люди; это были единственные носители цивилизации всего региона: художники, скульпторы, ученые, поэты – все подходило под категорию язычников. И Фидий, и Эвклид, и Архимед, и Платон – они все были язычники, а это имена не каких-то дикарей или туземцев.

Таким образом, язычество было тогда господствующей идеологией во всех классах цивилизованного общества. И для того чтобы сохранить веру, чтобы проросло зерно веры, необходимо было отделиться от язычников. С этой целью и была создана система обрядов, которая затрудняла людям контакты с язычниками и как бы их изолировала. Когда в ней уже не было нужды, все это отпало. А что остается вечным? – Скрижали! Десять заповедей! Важнейшие нормы жизни христианина.

«Всякий гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду, а кто скажет брату своему рака, подлежит синедриону» (Мф 5, 22).

Заповедь Ветхого Завета говорит: убийство запрещено! Но Христос идет дальше, Он говорит, что запрещена и *злоба*. Причем Он не дает чего-то абсолютно нового, потому что в иудейском Предании было такое изречение: «Публично оскорбляющий своего ближнего как бы проливает человеческую кровь». То есть смысл тот же. Слово «напрасно» в древнейших рукописях отсутствует. Очевидно, при переписывании Евангелия отцы Церкви или какие-то ранние писатели пытались это уточнить. И почему здесь стоит в одном случае: «всякий, гневающийся на брата, подлежит суду», а в другом: «кто скажет брату своему рака, подлежит синедриону»?

Рака – это арамейское ругательство, которое точно перевести невозможно, как большинство ругательств мира. Один из возможных переводов – это «пустой человек». Под судом имеется в виду местный суд. Синедрион же был верховным судом.

Почему они здесь стоят рядом? Это параллелизм: Христос любил одну и ту же мысль повторять дважды, как было принято на Востоке, варьируя ее. Но смысл один и тот же: ты имеешь злобу, ты думаешь, что человека судят только за убийство, но на самом деле и за злобу надо судить. И тот, кто другого обозвал, тот тоже подлежит суду. Только вы не подумайте, что Христос хотел создать уголовный кодекс, в котором был бы параграф, определенная уголовная статья за гнев. Это образное выражение. Нам кажется, что убил – значит, совершил уголовное

преступление, а если ты в гневе или обозвал кого-то, то ты чист. Нет, не чист, ты тоже подлежишь суду. Повторяю, это образное выражение, его надо понимать духовно.

Вот почему я бы хотел, чтобы вы почувствовали эту тайну и спросили: «Кто Ты, Господи?», чтобы вы увидели особенности обращения Христа к людям. У Него были свои индивидуальные особенности, Он не был *абстрактной* личностью, о которой можно было бы сказать, что в Нем как бы все человечество воплотилось... Нет, при всей Своей абстрактности Он был очень живой и индивидуально ярко выраженной личностью.

О клятве: «не клянись вовсе... ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф 5, 34–37).

Почему нельзя клясться? Клятва в древности, по существу, всегда требовала призывать в свидетели богов, которые становились гарантом обещания. Когда клялись именем Божиим, то человек вовлекал в свои дела имя Божие, святыню. Христос это запрещает, Он говорит: наша правдивость, если она настоящая, не должна прибегать к таким крайним мерам и использовать имя Божие для подтверждения своей правоты.

Если ты говоришь «это правда», – ты должен говорить правду, чтобы твое «да» было «да», «нет» – «нет». Все! А это нагромождение, надо сказать, исключительно модное среди народов Востока, было распространенным и в Средние века, и в XIX веке: «клянусь тем, тем, тем... клянусь жизнью своих детей» – это же было все время на языке и до сих пор сохранилось на Кавказе. Но эта словесная гипертрофия никчемная, потому что простота правдивости в ней не нуждается. Она значит, что ты можешь соврать, а уж когда поклялся – ты уже говоришь правду. А правда должна быть всегда.

«Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя» (Мф 5, 29).

Перед нами опять образное выражение: глаз изолированно не может соблазнять человека. И Господь это прекрасно знает. Это Его способ образно выражаться: если твоему духовному движению мешает что-то для тебя такое же важное, дорогое, как глаз или рука – лучше оторви! В Царство Божие войдешь и без них. Это не значит, что человек должен в Царство Божие входить кривым или косым. «Не жалея глаза» – это такой оборот, образ, который говорит о шкале ценностей. И надо сказать, что Христос очень любит вот такие парадоксальные, иногда иронические, а иногда резкие выражения, которые кажутся абсурдными, но зато хорошо запоминаются.

Например, «если рука твоя соблазняет тебя»; все прекрасно знают – рука не может отдельно соблазнять, она не мыслит отдельно. Но глаза и руки – это то, что тебе дорого, близко, и когда ты окажешься перед выбором: либо поступить по-христиански, либо отойти от того, что для тебя очень важно, выбор будет ясен! Оторви! Лучше оторви, потому что, в конце концов, перед Вечностью этот шаг окажется оправданным – ты будешь в выигрыше, ты сбережешь главное.

«А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать» (Мф 5, 32). Как это понимать в современных условиях?

Я думаю, что современные условия не очень изменились. Единственное, что изменилось, – это то, что женщина в прошлом была менее обеспеченная, чем теперь, потому что раньше женщины, как правило, не работали, то есть не имели собственной материальной базы. Если муж ее оставлял, то, брошенная или вдова, она была не только опозорена, но ей просто

ничего было есть, разве только родители ей оставляли какое-нибудь наследство. А все остальное осталось все то же – те же самые грехи...

Значит, идеал христианского брака все-таки остается – это единобрачие. Современные условия ничего тут не меняют. Что делать нам? Если мы оказываемся недоросшими до идеала, значит ли это, что мы должны снизить его до собственного несовершенства? Какой же тогда это будет идеал?..

Внешне Церковь решает эту проблему двояко. Католическая церковь стремится сохранить этот идеал механическим путем, отрицая развод, и поэтому развестись там – очень большая проблема. Православная Церковь, снисходя к обычаю человеческому и к нашей жестокостью и видя, что семья уже распалась, констатирует это и объявляет брак недействительным.

Существует церковный развод... Конечно, тут есть некоторое противоречие с Евангелием, но, я еще раз подчеркиваю, что идеал остается – он предполагает моногамность и единобрачие. Развод есть лишь компромисс с нашим несовершенством. А разводились люди всегда, и в глубокой древности за много столетий до нашей эры, и в античное время...

Я знаю, что здесь, среди вас, есть люди, имеющие второй брак или неудачи с первым браком. И вы прекрасно знаете, как все было печально. Ведь мы говорим о здоровье, о здоровом эталоне, а развод – явление болезненное, и мы не можем это не признавать. Мы должны ориентироваться на идеал, который берет высокий уровень, потому что есть какая-то высокая норма. Остальное все зависит от нас. Конечно, бывают разные обстоятельства, но все-таки никуда не денешься – если вы не хотите услышать что-то другое, нежели слова Самого Христа, вы должны принять их как Его слова, и все. И стараться по возможности приближаться к идеалу.

«А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф 5, 39).

Здесь надо заметить следующее: закон «око за око, зуб за зуб» был тоже Законом Божиим. Слова эти взяты не просто из народной поговорки, а из Священного Писания. В чем их смысл? Они утверждали справедливость, которая далеко не всегда существовала в судопроизводстве. Наверно, вы все читали «Отверженные»? Помните, как Жан Вальжан стащил булку и его загнали на галеры? И если не ошибаюсь, это происходит в XIX или в конце XVIII века. Было ли это исполнением закона «око за око, зуб за зуб»? Соответствовал ли проступок наказанию? Нет.

Призыв «око за око, зуб за зуб» – образное выражение, которое означает: наказание должно соответствовать преступлению. То есть этот закон и правовой, и моральный, и он не позволяет выходить за пределы того, что совершилось. И когда это, наконец, было введено в законодательство и стало законом общества и судопроизводства, тогда был сделан *первый* шаг.

Но Христос говорит нам не о законах юридических, а о законах *внутренних*. Мы должны превзойти уровень справедливости и быть способными *прощать*. Это, конечно, очень трудно, но это возможно, и мы знаем, как это бывало в нашей жизни.

А выражение насчет щек – это опять же привычные слова Христа, и надо понять их *суть*. Помните, я вам рассказывал про одного монаха, который шел через реку и встретил пьяного, который ударил его по щеке? Монах подумал: «В Евангелии сказано: подставь вторую». Подставил – тот его еще раз ударил.

Кабинет прот. Александра Меня в доме при Сретенском храме в Новой Деревне

Тогда монах и говорит: «А дальше ничего в Писании не сказано», – взял и бросил пьяного в воду. Монах выполнил заповедь. Но это был механический подход к заповеди...

Не забудьте, что в древности месть была законом, причем часто законом священным. вспомните, чем мучился Гамлет? Он мучился тем, что ему надо отомстить, но он не знает, как это сделать и когда. Он обязан отомстить. Но поскольку Шекспир, в общем, ставит своих героев вне христианской этики – они у него естественные язычники, поэтому и возникает такая

мучительная дилемма. Ведь для язычника отомстить означало удовлетворить дух покойника, который должен восторжествовать над своим врагом, и в «Гамлете» отец является с того света и велит отомстить за него, иначе он не успокоится. Таково язычество.

«Не введи нас во искушение...» (Мф 6,13).

Это значит: не дай нам оказаться в таком положении, когда грех будет сильнее нас. Надо понять, что все начинается с ситуации. Когда мы оказываемся в некоторой ситуации, оказывается, что сопротивляться мы можем до определенного предела – в какой-то момент включаются страсти! Завелась – и тут уже все... Ум говорит: стой, что ты несешь, – но одновременно как бы появляется второй человек, который в это время судит, и судит, и судит...

«Не введи нас во искушение», то есть избавь нас от такой ситуации, когда включается механизм страсти, с которым человек не может справиться.

Конечно, есть люди, которые обманывают себя и сами создают себе ситуацию. Например, возьму лирическую, интимную тему, о взаимоотношениях мужчины и женщины. Меня очень забавляют лица, того и другого пола, которые часто делают все для того, чтобы они могли уже каким-то образом перейти все границы, а потом приходят ко мне и говорят: «Это было сильнее нас». Я говорю: но ведь раньше надо было потрудиться! Сначала подожгли дом с четырех углов, и уж когда огонь нельзя было остановить, тогда говорите: «Смотрите, как ни странно – горит! А я-то думала, только дымить будет»...

Надо понимать, что свобода воли – вещь условная и ограниченная. Каждый из вас может вспомнить момент, когда свобода у него отсутствует. Ее просто нет. Значит, «не введи во искушение» – это не дай нам оказаться в таком положении, когда свобода наша выключается.

Самый грубый пример, который я приводил, когда говорил с кем-то из вас, это пример, связанный с падением вниз, скажем, из окна дома, с балкона или с горы. Свобода упасть или не упасть существует до какого-то определенного предела. Вы перевесились вниз – еще можете не упасть. Но когда вес больше уже по ту сторону, а здесь – меньше, и вас никто не держит за ноги, то вы летите вниз, ваша свобода кончилась, вы падаете вниз, чтобы разбиться, потому что действует закон тяготения, – все! Вы уже не свободны выбирать. Как Анна Каренина, попав под поезд, была уже несвободна, хотя у нее мелькнула мысль, как пишет Толстой, «что же я делаю», – но свобода уже кончилась. Не создавать себе таких условий, которые могут оказаться сильнее нас, – и это мы можем, не перевеситься мы в состоянии...

Конечно, всякое бывает. Бывает, что тебя уже несет, ты все сознаешь, знаешь, и говоришь себе: что же я делаю? Но уже поздно.

Эти слабые вопли сознания могу сравнить только с английским анекдотом, когда двое летели, падая откуда-то; «Сэр, как вы себя чувствуете?!» – спрашивает один. Другой в ответ кричит: «Пока ничего!» «Пока!» Это чисто английский вариант. Но движение от этого не останавливалось, оно шло вниз. Поэтому, понимаете, часто важнее именно *не войти* в эту ситуацию...

Здесь не обязательно имеются в виду какие-то романы, но и другие случаи, когда мы переходим некую грань словами, делами, поступками и теряем возможность свободного выбора. Так что надо стараться этого избегать.

«Иисус сказал ему: иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф 8, 22).

Здесь, конечно, тоже образный, поэтический ход. Человека, который хотел пойти за Христом, что-то останавливало, что-то держало, он чем-то был привязан к своей родной среде. Но эту среду Спаситель характеризует как среду духовных мертвецов. Однако этот человек все равно хочет, как жена Лота, хотя бы на минуточку обернуться! И находит повод – похороны. Христос говорит ему: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов».

Из этого не надо делать формальный вывод, что не следует хоронить своих родителей. Надо понять всю стремительность этой ситуации: не оглядываясь, идти вперед! Совершить внутренний акт! А когда человек говорит: «Позволь, я пойду похороню», – за этим ведь стояла вовсе не необходимость пойти на похороны, тогда не стал бы просить разрешения, а за этим стояло колебание человека, который хотел как-то оттянуть время. Если вы читали «Исповедь» блаженного Августина, там он говорил: «Господи! спаси меня, но только не сегодня, а сейчас я пока еще подожду, погуляю...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.